

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Второй брак Ивана III запутал династические отношения в Московии. Царевна Софья вышла замуж на невыгодных для нее условиях. Ее сыновья могли претендовать на удельные княжества, но никак не на московский престол. Византийская царевна не знала русского языка и не пользовалась популярностью среди подданных.

Иван III женил своего первенца Ивана Молодого Тверского на дочери православного молдавского государя Стефана Великого Елене. В 1479 г. Софья Палеолог родила сына Василия. Четыре года спустя Елена Волошанка родила Ивану III внука Дмитрия.

Достоверные сведения о первых годах жизни Василия отсутствуют. В соответствии с традицией наследник жил на женской половине терема в окружении кормилиц, мамок и нянек. По достижении пяти лет дети переходили на руки воспитателю — «дядьке». Обучение грамоте обычно поручали доверенному лицу — дьяку. В пять-шесть лет мальчика сажали за Псалтырь, позднее — за Деяния Апостолов.

Книгу нараспев читали вслух. Ученик заучивал прочитанное наизусть и таким путем овладевал грамотой. С письмом дело обстояло сложнее. Обычай воспрещал лицам царствующего дома брать в руки перо. Московские государи редко нарушали это правило. Княжие грамоты скреплял не сам монарх, а его дьяки. В Москву этот обычай пришел, вероятно, из Орды.

Софья получила в Италии неплохое образование и, судя по всему, не следовала слепо московским обычаям. Василий был обучен письму и позже писал письма или записочки жене. Но, следуя русским обычаям, он никогда не ставил подпись на документах.

Родители позаботились о том, чтобы воспитать сына в духе благочестия и беззаветной преданности православной вере.

Учителя Василия были, по московским меркам, образованными людьми.

Однако курс обучения княжича был прерван возобновившейся смутой.

Княжичу Дмитрию исполнилось семь лет, когда умер его отец Иван Молодой. Тридцатидвухлетний наследник престола страдал «камчюгою в ногах», или подагрой. Вылечить его взялся лекарь «мистер Леон Жидовин», выписанный Софьей из Венеции. Несмотря на старания врача, больной умер. Кончина наследника была выгодна «грекине», и по Москве тотчас прошел слух, будто Ивана Молодого отравили итальянцы. Андрей Курбский записал эти слухи через сто лет, нимало не сомневаясь в их достоверности. Знаменитого венецианского врача вывели на площадь и отрубили ему голову.

Тринадцать лет Иван Молодой был соправителем отца. За это время у его окружения сложились прочные связи с Боярской думой. Бояре помнили кровавую смуту, затеянную удельными князьями при Василии II, и твердо поддерживали законную тверскую ветвь династии.

Пока претенденты на трон были малы, их соперничество не внушало особой тревоги. Но в 1494 г. сын Софьи достиг совершеннолетия. Его соперник Дмитрий не вышел из детского возраста. Это обстоятельство благоприятствовало осуществлению честолюбивых замыслов Софьи. Однако ее противники нашли способ не допустить «греченка» на трон. Они втайне начали готовить коронацию Дмитрия.

Интрига ускорила развитие событий. Возник заговор в пользу Василия. Заговор был раскрыт. Летописец записал: «В лето 7006, декабря, восполелся князь великий Иван Васильевич всеа Руси на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе того ради, что он сведав от дьяка своего от Федора Стромиллова то, что отец его князь великий хочет пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего князя Дмитрея Ивановича. ...И изведав то и обыскав князь велики Иван Васильевич злую их мысль, и

повелел изменников казнити: и казниша их на Москве на реке по низ мосту шестерых...»

Составитель летописи постарался изобразить дело так, будто вина за заговор лежала на маловажных лицах вроде «второго сатанина предтеча» Афанасия Арапченка. Но сообщенные им подробности опровергают его версию. «И в то время опалу положил князь великий на жену свою, на великую княгиню Софию, о том, что к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москве реке ночью, а с нею с тех мест нача жити в брежении».

Решение о коронации Дмитрия Внука было незаконным с точки зрения московских порядков и традиций. На великокняжеском столе не могло сидеть сразу две персоны с одинаковым титулом, ибо это чревато было смутой.

Княжич Василий и его дума противились решению Боярской думы всеми средствами. Но Софье и ее сыну не удалось привлечь на свою сторону государя и бояр.

Власти решили короновать Дмитрия Внука по случаю его близкого совершеннолетия. Таким путем они надеялись пресечь смуту в самом зародыше. Коронацию готовили втайне от «грекини». Но один из доверенных дьяков выдал тайну Василию и его матери. Окружение Софьи пыталось опереться на великокняжеский двор, для чего «тайно к целованию (присяге) приведоша» многих детей боярских из состава двора. Наиболее решительные заговорщики советовали княжичу Василию собрать войско и силой предотвратить коронацию Дмитрия Внука.

Власти пытались возложить вину за заговор на некоего Арапченка: «нача думати князю Василью второй сатанин предтеча Афанасий Арапчонок; бысть же в думе той и дьяк Федор Стромилов, и Поярок Рунов брат и иные дети боярские, а иных тайно к целованию приведоша на том, чтобы князю Василью от отца своего великого князя отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белоозере и над князем над Дмитрием израда учинити».

По существу, это был план мятежа против Ивана III. Переворот должен был начаться с захвата казны на Белоозере и в

Вологде. Ввиду постоянной угрозы нападений татар на Москву московский князь держал значительную часть своих сокровищ в северных городах. Мятеж сына мог иметь самые опасные последствия.

Способы казни в точности отражали меру вины каждого из заговорщиков. По словам летописи, Арапченку — «Афонасу Яропкину руки да ноги отсекли и голову ссекоша, а Поярку Рунову брату руки отсекше и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромиллову, да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрыбина сына Стравина, тем четверем главы ссекоша, декабря 27». Характерно, что самые знатные из заговорщиков избежали четвертования. Главные обвиняемые — Владимир Гусев из знатного боярского рода Добрынских, князь Иван Палецкий из рода Стародубских князей и дьяк Федор Стромиллов лишились головы.

Иван III держал сына под домашним арестом на его кремлевском дворе «за приставы» по крайней мере до коронации внука.

После ареста заговорщиков Иван III «многих детей боярских велел князь велики в тюрьму пометати». Для переворота сторонникам Василия сил не хватило.

На Руси еще не было приказной системы, но были дьяки «в приказе». Эти дьяки получали указания непосредственно от великого князя. Волоколамский летописец записал известие о казни «Федора Страмилова с товарищи». Дьяк в самом деле был примечательной фигурой среди заговорщиков.

14 февраля 1498 г. Дмитрий Внук в неполные пятнадцать лет был утвержден на великокняжеском престоле после коронации в Успенском соборе Кремля.

Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва-новый Царьград». Как то ни парадоксально, мысль о византийском наследии развивали не «греки» из окружения византийской царевны Софьи, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Дмитрия Внука и его матери Елены Волошанки. Митрополит Зосима, которого считали единомыш-

ленником Елены, сформулировал новую идею в сочинении «Изложение пасхалии», поданном московскому собору в 1492 г. В похвальном слове самодержцу Ивану III пастырь не упомянул о браке государя с византийской принцессой. В то же время он подчеркнул, что Москва стала новым Константинополем благодаря верности Руси Богу. Сам Бог поставил Ивана III — «нового царя Константина новому граду Константину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя».

При первом столкновении победа досталась Дмитрию Внуку. Его успех объяснялся многими причинами, и прежде всего позицией Боярской думы.

Приход к власти удельного князя Василия пагубно отразился на карьере многих московских придворных, связавших судьбу с тверской династией. Этот круг лиц на десятилетия сохранил враждебное чувство к Ивану III и Софье. В 1524 г. придворный Ивана III и Беринь-Беклемишев жаловался греку-книжнику: как пришла сюда Софья «с вашими греки, так наша земля замешалась и пришли нестроения великие».

Своеобразную интерпретацию идея византийского наследия получила в позднем сочинении XVI в. — «Сказании о князьях Владимирских». Согласно «Сказанию», киевский князь Владимир Мономах совершил победоносный поход на Константинополь и принудил своего деда императора Константина Мономаха отдать ему царский венец («шапку Мономаха») и другие регалии. (В действительности князю Владимиру едва исполнилось два года, когда умер его дед, и киевский князь никогда не ходил на Царьград.) Фантастическая ситуация, описанная автором «Сказания», напоминала реальную ситуацию, сложившуюся в Москве в 1498 г. Дмитрий Внук получил «шапку Мономаха» из рук деда Ивана III, как Мономах — из рук деда Константина. Все симпатии автора «Сказания» на стороне внука. Владимир-внук послал воинов, которые разорили окрестности Константинополя, и малодушный Константин снял с головы своей венец и послал внуку с мольбой о мире и любви, чтобы весь православный люд стал под власть «нашего царства (Византийской империи. — *Р.С.*) и твоего (Владимира Мо-

номаха. — Р.С.) великого самодержавства великия Русиа». Предание о «шапке Мономаха» доказывало, что русские великие князья породнились с византийской династией задолго до греческого брака Ивана III и родство было скреплено передачей им царских регалий. Отсюда следовало, что правом на трон обладал старший прапраправнук Мономаха, тогда как греческое родство удельного князя Василия не имело значения.

История московской короны такова. Уже Иван I Калита завещал наследнику парадные одежды («порты») — кафтан, расшитый жемчугом, и «шапку золотную». Шапка не была владимирской короной, так как московские князья могли распоряжаться только своим венцом, тогда как владимирской короной распоряжалась Орда. Василий II завещал Ивану III крест Петра-чудотворца и шапку, которую он в отличие от предков не назвал «золотой». Иван III впервые мог распорядиться русской короной без оглядки на хана. Но он благословил Василия III крестом Петра, ни слова не упомянув об отцовской «шапке». Как видно, вопрос о регалиях не приобрел актуальности в начале XVI в.

Царские регалии были впервые подробно описаны австрийским послом Сигизмундом Герберштейном. В кремлевском дворце посол видел Василия III в парадной шапке: «Наша шляпа, латинское pileus, на их языке называется Шапкой; ее носил Владимир Мономах и оставил ее украшенную жемчугом, а также нарядно убранную золотыми бляшками, которые, извиваясь кругом, часто колыхались при движении».

В другом случае Василий III пригласил посла для неофициальной беседы на охоту. На этот раз на голове у него был другой колпак, или корона: «Этот Кропак с обеих сторон, и сзади, и спереди, имел как бы ожерелья (monilia), из которых золотые пластинки направлялись ввысь, наподобие перьев, и, сгибаясь, развевались вверх и вниз».

Ни одна из описанных шапок нисколько не похожа на сохранившуюся до наших дней шапку Мономаха.

Вопрос о регалиях приобрел актуальность, когда бояре решили короновать сына Василия III царским венцом.

В Древней Руси князья старались получить порты (парадное одеяние) из гардероба византийского царя. После падения Византийской империи русские стали титуловать царским титулом ханов Золотой Орды. Массивная золотая основа колпака — шапки Мономаха — была изготовлена за пределами Руси примерно в XIII в. Она, как полагают, была приобретена в Орде и привезена в Москву, где попала в руки тамошних ювелиров. Наличие регалий или их частей подтверждало законность коронации царя.